

ОТКРОВЕНИЕ ВРЕМЕНИ

ЕВГЕНИЙ ЗАРОВНЯТНЫХ

Евгений Викторович Заровнятных

Откровение времени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12834912

Евгений Заровнятных. *Откровение времени*: «Геликон Плюс»; Санкт-

Петербург; 2015

ISBN 978-5-9906596-4-3

Аннотация

«Каково моё место в обществе? Как себя найти? В чём моё призвание? Когда же я буду счастлив? Где моя любовь, моё богатство, моя радость?» – спрашивает себя юноша. «Оказывается, не всё так просто», – размышляет мужчина. «А в чём же смысл?» – мудрствует старик. Любой человек, преодолевая рубежи, обретает опыт, знание, меняет взгляды, перестраивает систему ценностей. В результате река жизни для каждого течёт по-своему: петляет, расширяется, низвергается с горных склонов, а где-то впадает в бескрайний океан. Свой путь прошел и главный герой «Откровения времени» – экзистенциальной притчи, замаскированной под философский роман.

Содержание

Глава I	5
Глава II	15
Глава III	36
Глава IV	57
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Евгений Заровнятных

Откровение времени

© Заровнятных Е., текст, 2015

© «Геликон Плюс», макет, 2015

Глава I

Триумф

*Я умру, чтобы жить!
Ты воскреснешь, да, ты воскреснешь
Сердце моё в один миг!
А то, за что ты страдало,
И уведёт тебя к Богу!*

Густав Малер

Этими строками закончилась грандиозная песня хора последней части Второй симфонии Малера. Когда финальный аккорд повис в воздухе, в зале воцарилась тишина; дирижёр, завершив симфонию последним динамичным, экспрессивным жестом, замер, словно танцор в магической позе, расправив руки и устремив чарующий, колдовской взгляд к потолку. Грянул шквал оваций. Будто перед Богом, не слыша ничего вокруг и не двигаясь, стоял маэстро ещё несколько мгновений. Капли пота стекали по его лбу, глаза были широко раскрыты, грудь вздымалась от частого дыхания. Кажется, он улетел вслед за последними нотами, слившись с музыкой воедино, став сегодня её двигателем, её проводником. То ли языческого шамана, вызывающего к духам, то ли христианского священника, немо вопиющего к Богу, напоминал

этот дирижёр на сцене. В этом было как что-то демоническое, так и нечто ангельское. Силу, искренность и правду излучал он, глядя в глаза самой истине, истине, к которой музыка по нотам привела его.

Вернувшись к действительности, маэстро неторопливо повернулся лицом к рукоплещущему залу и склонился в низком поклоне. Как молод и статен он был, дирижёрский фрак подчёркивал его стройную, пропорциональную фигуру; миндалевидные карие глаза искрились каким-то печальным блеском, словно после прогулки по самым скорбным закоулкам человеческой жизни, – неужели их приоткрыла музыка?.. В зале аншлаг, ни одного свободного места, все до единого аплодировали стоя. Первые ряды партера занимали ярчайшие представители музыкального мира: легенда мировой музыки – восьмидесятишестилетний композитор Карл Папп с намернувшимися на глаза слезами рукоплескал стоя, опершись на трость. «Блестящее исполнение! – с трепетом сказал почтенный композитор стоявшему рядом высокому седовласому господину. Тот в свою очередь одобрительно кивнул в ответ. – А какие бесподобные вещи пишет этот молодой талант, – продолжил Папп, – я недавно был на его сольном концерте, где он исполнял восхитительные фортепианные прелюдии из своего пятого опуса». Вряд ли сегодняшний концерт оставил кого-то без эмоций, даже закоренелые скептики, люди, далёкие от музыки и от мира искусства в целом, воодушевились великолепной симфо-

нией в исключительном исполнении даровитого дирижёра, в руках которого был весь государственный академический симфонический оркестр. Когда публика начала расходиться, Карл Папп вместе с седовласым господином, продолжая обмениваться впечатлениями, направились за кулисы. Увидев маэстро в окружении нескольких музыкантов, джентльмены прекратили разговор и ускорили шаг.

– Просто превосходно, Эмиль! – воскликнул Папп, обратившись к молодому дирижёру.

– Примите мои поздравления, – добавил седовласый господин, протянув Эмилю руку.

– Моё почтение, господин Папп; премного благодарен, ректор Фредрикссон, я вам очень многим обязан, – ответил Эмиль, поочерёдно поклонившись одному и второму джентльменам. Даже в моменты торжественной радости его лицо оставалось строгим и задумчивым. – Вы очень много для меня сделали, господин Фредрикссон, все эти годы, что я учился в консерватории, вы были рядом и никогда не оставались равнодушным ни к одной моей проблеме; а вы, господин Папп, всегда будете для меня оставаться ярчайшим музыкальным светилом и путеводной звездой на моём подчас непростом пути.

– Вы помните о нашем разговоре, Эмиль, – начал ректор консерватории, – вас ждёт блестящее будущее дирижёра, композитора и пианиста, но для этого вам нельзя сидеть на месте. Многие молодые одарённые выпускники хватали пер-

вые лавры славы и останавливались на этом: иллюзия успеха порождала лень, а лень пожирала их, не давая реализовать-ся таланту. Вам пора выпорхнуть из гнезда, оставить родную колыбель и ехать в большой город с большими возможностями. Здесь, в Эйматштадте, вы уже значимая фигура, но боюсь, что это может быть тупиком. Вы птица высокого полёта, вам суждено стать личностью большего масштаба. Что скажете, господин Папп?

– Соглашусь, – неторопливо начал композитор, скрипя своим мудрым голосом, – в годы моей молодости я поступил именно так, как говорит Фредрикссон. Я уехал, оставив родителей, брата и сестру, своих друзей, те места, в которых вырос. Первое время мне было одиноко, приходилось со всем справляться одному, но благодаря преодолению трудностей я выработал силу характера. Музыка всегда была моей отдушиной, одиночество позволяло с головой погружаться в работу. Самоотдача, как вы понимаете, невероятно важна, порой необходимо превратиться в затворника, чтобы сотворить что-то стоящее. Это был мой путь, за который теперь я благодарю Господа! Вам, Эмиль, я желаю достойно пройти свой, испытай как можно меньше разочарований. Сейчас вы только на старте, и от того, как вы начнёте, зависит ваше будущее. В индуизме существует понятие кармы как некоторого результата совершённых человеком поступков. Согласно причинно-следственному закону, благие или дурные действия так или иначе определяют дальнейшую

судьбу человека. Поэтому старайтесь свершать дела, благотворно влияющие на вашу жизнь. А в качестве конкретного совета могу сказать, что самая динамично развивающаяся музыкальная культура, свободная от гнёта исторических псевдоморфоз, сейчас сформировалась в Ирргартене и вам было бы весьма кстати туда отправиться.

– Именно, – подхватил ректор, – я уже вёл переговоры с богемной элитой Ирргартена, и в результате продолжительных бесед мы подытожили, что для вас там имеется обширный пласт работы. Для начала советуем вам поработать заместителем руководителя оркестра в музыкальном училище. Это будет чрезвычайно полезно для вас как для специалиста и оставит достаточно времени для концертной и композиторской деятельности. В ближайшем будущем вы вполне сможете стать руководителем симфонического оркестра или полностью посвятить себя композиции – всё в ваших руках.

Фредрикссон и Папп искренне любили Эмиля и от всего сердца старались ему помочь. Они видели в нём человека, который должен многое сказать, многое донести до всего человечества посредством музыки, культуры и искусства, привести к истине, воодушевить, научить верить, чувствовать, любить, сострадать и сопереживать, заставить людей задуматься о своей сущности, посмотреть на себя и на свою жизнь под другим углом. Эмиль не из тех людей, что на склоне лет переводят свой отупевший взгляд с предмета на предмет, безынтересно доживая остаток жизни. И не из тех рас-

полневших, пропахших нафталином службистов и функционеров, размеренно вышагивающих по бульвару, гордясь тем, каких чинов они достигли. Нет, он всегда будет строг, смирен, аскетичен, а каждый день его жизни наполнен неким сакральным смыслом. Он будет искать правду, двигаться к истине, как агностик, поднимающийся с каждым днём на следующую ступень бесконечной лестницы познания.

Для Эмиля мнение его наставников всегда было авторитетно, кроме того, он и сам видел отъезд в Ирргартен таким многообещающим. Отнюдь не амбиции и честолюбие руководили им; некую фатальность, своё предназначение видел он в этом предприятии. Эрнест Фредрикссон поможет всё устроить, мудрец Папп никогда не откажет в совете и рекомендации. Теперь вопрос был решён: отъезд не за горами.

Через несколько минут после завершения разговора Эмиль шёл тихой аллейкой по направлению к дому, вдыхая свежий вечерний воздух, насыщенный после дождя ароматами сырой земли и древесной коры. На предложение гостей – скоротать вечерок и забыться в баре – Эмиль ответил, что терять вечер ему ни к чему, а забываться сейчас незачем, напротив, трезвость сознания и максимальная концентрация внимания будут необходимы для дальнейших репетиций и упражнений. Впрочем, его отношение к спиртному не было крайне негативным, порой он мог пропустить рюмочку, пошутив при этом насчёт одного примера из древнекитайской философии, когда художник, злоупотребляя вином, мо-

тивировал это тем, что для соединения со своим духовным проводником, посылающим вдохновение, надлежит выпить определённую долю спиртного либо соматического напитка. Но любые вечеринки и пирушки казались Эмилю страшными оргиями и вакханалиями, оказывающими пагубное, нервнопаралитическое воздействие.

Придя домой, Эмиль тотчас сел за рояль и начал играть пьесе Жана-Филиппа Рамо *Le rappel des oiseaux* [«Перекликанье птиц» (фр.)]. Почему-то именно это произведение вспомнилось ему по дороге. Он играл больше часа, вновь и вновь повторяя эту пьесу, каждый раз как впервые. Сыграв в последний раз, Эмиль долго, зажав педаль, не снимал пальцев с клавиш, пока последний звук плавно не слился с тишиной. За окном было уже темно, в комнате горела лишь одна настольная лампа, отбрасывая на письменный стол свои тусклые лучи. Он закрыл крышку рояля, неторопливо поднялся, повесил пиджак на спинку стула, затем прилёг на диван и стал смотреть на раскачивающийся маятник старинных настенных часов, деревянных, резных, оставшихся ему от деда. Усталость в конце столь деятельно проведённого дня дала о себе знать, и вскоре Эмиль заснул.

Проснулся он, когда ночь ещё не начала светлеть, было тихо и темно, в приоткрытую форточку влетал холодный ночной ветер. Подгоняемый в спину этим ветром, Эмиль вышел из комнаты, направился к входной двери, вышел на лестничную площадку и стал спускаться вниз, держась за пери-

ла, стараясь не оступиться в темноте. В следующий миг он уже шёл по безлюдной улице, мерцающей в зеленоватых лучах слабого лунного света. Только бездомная кошка, блеснув хищными глазами, прошмыгнула мимо и скрылась в ближайшей арке. Ветер всё дул ему в спину, словно подталкивая, направляя в определённую сторону. Эмиль очутился у входа в парк, ворота оказались открытыми, поблизости не было ни души. Он вошёл и зашагал по центральной аллее; статуи, расставленные на всем её протяжении, были похожи между собой, но различить их лица в этой мгле не удавалось. Затем он свернул на прилегающую дорожку, где ивы смыкались над головой, образуя своеобразный лиственный свод. Вдалеке блеснул огонёк – видимо, кто-то стоял с фонарём в руке; Эмиль быстрым шагом устремился по ивовой аллее в ту сторону, где горел свет. Оказалось, что это вовсе не фонарь, а стоящее у мраморного постамента зеркало, в котором отражалась луна. На постаменте был выбит какой-то текст, полностью прочесть его не удавалось – куски мрамора местами были отколоты. Эмилю удалось разобрать лишь фрагмент надписи: «житие тихое и безмятежное, и к вечному Царствию шествие неуклонное». Осмотревшись вокруг, Эмиль двинулся дальше. Петляющая аллея вывела его на лужайку, от которой лучами расходились несколько дорожек. Вдруг промелькнула чья-то фигура: то спереди, то сзади быстро пролетала она, приближаясь к Эмилю. Внезапно он почувствовал резкий хлопок по лицу, после которого после-

довал сильный удар в живот. Раздался чей-то смех. Эмиль обернулся: рядом стоял человек в чёрной маске и в чёрном обтягивающем костюме, только два красных глаза зловеще горели, повиснув во мгле. Ещё один удар последовал Эмилю прямо в лицо. Он хотел было оказать сопротивление, но руки его не слушались, будто некая сила преграждала путь, отталкивая кулак, как отталкивается один магнит от другого, если сблизить их одноимёнными полюсами. Как Эмиль ни старался, он не смог и прикоснуться к замаскированному незнакомцу. Вдруг ему натянули на глаза тёмную повязку, дотянуться и сорвать которую он не мог по той же причине. Земля под ногами начала ходить ходуном, как палуба корабля во время сильной качки. Эмиль попытался бежать, но сквозь повязку ничего видно не было; ударившись о стену, он упал, острые льдины вонзились в ладони. Встать сразу не удалось: земля была страшно скользкой и, как назло, ноги в чем-то запутались. Поднявшись, беспомощный Эмиль начал метаться из стороны в сторону, ударяясь о кирпичные стены; куда бы он ни бросился – неминуемо натыкался на незыблемую преграду. Неожиданно, налетев на одну из стен, он пробил её и провалился в бездонную пропасть; стараясь ухватиться хоть за сучок, безнадёжно падал он в страшную бездну. Несколькими мгновениями позже ему показалось, что теперь он летит не вниз, а вверх, сквозь повязку стал пробиваться слабый свет. В следующую секунду под ногами почувствовалась почва, повязку сорвало, и Эмиль увидел, что

оказался на мосту, ведущем на бескрайний зелёный луг, залитый солнечным светом.

Внезапно голова закружилась. Эмиль закрыл глаза и прилёг, чтобы не упасть. А когда вновь раскрыл глаза, его взгляд встретил настенные часы с раскачивающимся маятником. Он обнаружил, что находится у себя в комнате на диване, сквозь лёгкий тюль на окнах в комнату вливается яркий утренний свет, в котором теряется тусклая настольная лампа. Вот стоит рояль, вот ноты Рамо, вот пиджак висит на стуле: «Ах, это был сон!» – подумал Эмиль.

Глава II

Дирекция

«Я, Бланжек Эмиль Эммануэль, выпускник Эйматштадтской государственной консерватории имени Иоганна Пахельбеля, прошедший практику в училище при консерватории, решением ректората и учёного совета прошу командировать меня для службы в музыкальном училище № 31 города Ирргартена в должности заместителя руководителя концертно-исполнительской практики».

Шестнадцатого марта, спустя три дня с момента подписания вышеприведённого документа, Эмиль Бланжек прибыл в Ирргартен – столицу Буденштальской республики – на центральный городской вокзал. Сойдя с поезда, держа в руке небольшой чемоданчик, вмещавший всё необходимое молодому музыканту, он направился к выходу сквозь мрачную анфиладу, затуманенную табачным дымом так, что чёрный потолок с трудом можно было различить в сизых клубнях – казалось, будто стены уходят в пустую, бесконечную, туманную высь. Бланжек поспешил добраться до выхода; справа и слева у колонн сидели бездомные, кто-то спал, другие что-то шептали. С закрытыми глазами, сложив руки ладонями друг к другу, нищие покачивались из стороны в сторону. На молитву это похоже не было, скорее напоминало некий ок-

культурный, заговорческий ритуал. Судя по огромному количеству котомок, тряпок и подстилок, некоторые из нищих жили здесь, на этом вокзале, уже давно. Бланжек выпорхнул в огромные входные ворота и очутился наконец на свежем воздухе, на центральной ирргартенской площади.

Сырая зима уже уступила свои права тёплой весне, небо было затянуто белой пеленой облаков, через которую проникал ровный дневной свет, озаряющий площадь. Было довольно пустынно, лишь два джентльмена в чёрных пальто, опустив голову, прошли мимо быстрым шагом. Посередине площади располагался монумент из красного гранита, инкрустированного мрамором, в центре которого возвышалась фигура какого-то господина. Подойдя поближе, Эмиль несколько удивился внешности этого увековеченного в мраморе человека: злые пороссячьи глазки выглядывали из впадин над заплывшими жиром щеками; ехидная желчная улыбка обнажала дёсны с определённым количеством отсутствующих зубов. Брюхо разрывало с трудом застёгнутую рубашку, пиджак мешковато свисал с узких округлых плеч. «До чего же отвратительный тип, кто же додумался поставить ему памятник?» – подумал Бланжек, разглядывая статую. На мемориальной доске была выгравирована надпись: «Досточтимый Прилиус Мориц Пауль, пятый губернатор Ирргартена, генерал-фельдмаршал».

Недолго постояв, Эмиль отправился дальше, лёгкой уверенной походкой пересёк площадь и, подходя к круглому

зданию с небольшой башенкой, услышал звук домры, доносящийся с улицы, проходящей за зданием. Прислушавшись, он узнал колыбельную Брамса. Эмиль стал обходить строение вокруг. Люди сновали взад-вперед, одни врываются в это круглое здание, другие выбежали из него, какой-то молодой человек, споткнувшись о ступеньку, распластался на тротуаре, документы, которые он нёс, разлетелись, как осенние листья. Быстро вскочив, он стал собирать бумаги, пока равнодушная толпа не потоптала все листы. Определённо в этой сутолоке никто не замечал прекрасной музыки, которая так диссонировала с нервной обстановкой.

Обойдя здание, Эмиль увидел старушонку лет восьмидесяти пяти, а то и девяноста, сидящую на деревянном ящике неподалёку от главного входа в круглое здание. Старушка самозабвенно играла на четырёхструнной старинной домре: как точно она держала темп, как тонко расставляла акценты, сопереживая каждой ноте, то с долей печали, то с долей радости в лице. Каждая музыкальная фраза, каждая музыкальная мысль были поняты и переданы ею, этой почтенной старушкой. Одухотворённые мудрые глаза, казалось, играли вместе с домрой, как бы вторили ей своим безмолвным голосом. Бланжек пошёл дальше, ему нужно было спешить, время явки в назначенное место незамедлительно приближалось. Пройдя два-три квартала, он всё прислушивался к оставшемуся далеко позади звуку домры, но расслышать что-либо уже не удавалось. Дойдя до ближайшего перекрёст-

ка, Бланжек развернулся и быстрым шагом направился в обратном направлении. Вернувшись к круглому зданию, – старушка всё ещё играла, – Эмиль подошёл к музыкантше и бросил в лежавший у её ног кейс несколько монет. Почтенная дама вежливо поблагодарила его, не прекращая исполнения следующей пьесы. Недолго послушав невероятно трогательную, душевную игру старушки, сидящей на косом дощатом ящике, единственный слушатель, Эмиль, ушёл.

«Дирекция музыкального училища № 31: Будениталия, Ирргартен, проспект Каминского, дом № 4», – гласила запись в блокноте Бланжека; по этому адресу он и отправился. Город изобиловал разнообразными переулками, проулками, тупиками и улицами причудливых форм. Как позже сообразил Эмиль, многие улицы, если смотреть сверху, имели форму фигуры, которую изобразил Казимир Малевич на своём полотне «Движение супрематического квадрата». На одной из таких улиц, именуемой проспектом Каминского, и располагалось здание дирекции, выполненное в стиле ранней эклектики. Здание насчитывало три этажа, но при этом было довольно высоким, огромные окна завершались полукругом, фасад был украшен пилястрами с роскошными капителями. Огромные деревянные резные двери оказались закрыты. Бланжек позвонил. Полминуты спустя из-за закрытой двери донесся голос:

– Вы с рекомендательным письмом?

– Да, добрый день, я прибыл из Эйматштадта, меня зовут

Эмиль Бланжек.

– Вы опоздали на четырнадцать минут! – строго упрекнули из-за двери.

Растерявшись, Бланжек не успел ничего ответить, но тут дверь отворили. На пороге показался пожилой мужчина во фраке, белой накрахмаленной манишке со стоячим воротником и аккуратно завязанным галстуком-бабочкой. Несколько надменным, но в то же время вежливым жестом он пригласил Бланжека войти. «Значит, меня здесь ждали, если просчитали моё опоздание с точностью до минуты», – подумал Эмиль, переступая порог.

Эмиль попал в просторный вестибюль с тусклым освещением. Огромные канделябры, стилизованные под барокко, висели в простенках между окнами, зашторенными бархатными портьерами; в конце вестибюля уходила вверх парадная мраморная лестница. Справа от входа располагался аккуратно прибранный старинный стол на львиных лапах, служивший рабочим местом портье – тому самому господину, который встретил Бланжека. В здании царила тишина, какую можно услышать лишь в пустом храме в вечерние часы, когда все прихожане уже разошлись, а церковный служка тушит последнюю догорающую свечу. Раздавалось только эхо шагов портье, отражаясь от каменных стен.

– Приготовьте ваши документы и проходите в канцелярию, а я отмечу ваш визит у себя в журнале, – распорядился портье. – По левую руку от лестницы – длинный коридор,

вам туда.

В коридоре не было ни окон, ни дверей, только в конце находился арочный проход, ведущий в другое помещение, являющееся канцелярией. Первое, что бросилось Эмилю в глаза, когда он вошёл, были огромные, невероятной высоты стеллажи, до предела забитые документацией. В помещении пахло пыльной бумагой – так пахнет, когда раскрываешь старую книгу, годами валявшуюся где-то в забытом книжном шкафу. За стойкой возле стеллажей сидела женщина – работница канцелярии. Внешне она чем-то напоминала крысу: маленькие чёрненькие глазки бегали за очками в круглой оправе, лицо было вытянутым, из-за неправильного прикуса из-под верхней губы показывались два удлинённых резца, подбородок практически отсутствовал, нижняя губа как бы плавно переходила в шею. Растрёпанные серые волосы были собраны в пучок на макушке; длинными тощими пальцами она поспешно перелистывала страницы какого-то документа, это напоминало то, как хомяки, мыши, крысы, белки и другие грызуны шелушат орехи, семена или шишки.

Бланжек подошёл к стойке, поздоровался, подал свои документы. Женщина-крыса, не замечая его, продолжала шелушить свои бумаги. Эмиль поздоровался второй раз, уже с большей силой в голосе. Женщина-крыса встрепенулась, словно её испугнул некий хищник, Бланжеку даже на секунду показалось, что она сейчас вскочит, убежит и спрячется в какой-нибудь канцелярской норке. Окинув своего посети-

теля блуждающим взглядом, женщина отложила в сторону папку с бумагами, взяла небольшой бланк наподобие квитанции и принялась что-то писать. «Я выпишу вам направление к директору на собеседование, – пояснила госслужащая. – Стоит поторопиться, приёмные часы скоро закончатся, в следующий раз вы сможете к нему попасть только через неделю». Такое заявление несколько удивило Бланжека, даже взволновало, ведь он приехал работать, приехал заниматься музыкой, он, блистательный выпускник консерватории, которому сам ректор пророчил большие успехи здесь, в Ирргартене. А теперь заходит речь о каком-то собеседовании, вдобавок об этом ему сообщает какая-то канцелярская крыса, в то время как у него, Эмиля Бланжека, на руках рекомендательное письмо, подписанное всеми членами ректората Эйматштадтской государственной консерватории имени Иоганна Пахельбеля. Впрочем, Эмиль был отнюдь не тщеславен, и подобные мысли даже не возникли у него в голове; он не стал вступать в полемику с канцелярской госслужащей, взял направление и пошёл на второй этаж в указанный кабинет – кабинет директора музыкального училища.

Стремительно преодолев два громадных марша парадной лестницы, центральную залу и затем несколько рекреаций, Эмиль предстал перед дверью директора. Возле кабинета не было ни души, да и по дороге Бланжеку никого не встретилось, будто он находился в особняке какого-то богатого и одинокого господина, где, кроме этого господина и прислу-

ги, больше никто не живёт. Эмиль хотел было постучать, но отдёрнул руку, услышав за дверью голоса. Он был далеко не так воспитан, чтобы подслушивать разговоры, но в этом безлюдном месте, в этой тишине, чтобы ничего не услышать, нужно было бы либо уйти, либо заткнуть уши, чего Эмиль делать не стал, да и вся эта ситуация с собеседованием вызвала у него непомерный интерес: вдруг там, за дверью, директор беседует с человеком, находящимся в похожем положении?

– Афишу необходимо переделать, название нашего камерного оркестра поместить посередине большими буквами, – прозвучал грубоватый баритональный бас, – и уберите эту надпись: *«Музыка эпохи барокко»*, напишите просто: *«Классическая музыка»*.

– Всё же это типологически неверно, господин Финкельштейн, мы не будем исполнять ни одного произведения эпохи классицизма, вся программа относится ко второй половине XVII и первым двум десятилетиям XVIII века, – ответил собеседник.

– Для простых слушателей всё это классическая музыка, давайте освободим афишу от вашего терминологического педантизма, Рудольф, нынче условия диктует слушатель.

– Ну а если мы будем играть, например, духовную музыку коптов шестого века, то в самый раз озаглавить афишу *«Варьете»*, ну или, скажем, *«Вечер в кабаре»*? Больше всего, конечно, зрителю будет по душе, если наши девушки-хорист-

ки исполняют арабский танец, причём единственной деталью одежды будет полупрозрачный шёлковый платок на бедрах.

– Оставьте ваш сарказм, Рудольф, не пытайтесь плыть против течения, лучше служите обществу; на последнем заседании комитета по культуре весьма положительно отзывались о концертной деятельности нашего училища, и это, я считаю, ваша заслуга как руководителя концертно-исполнительской практики. А что касается арабских танцев, то тут вы в точку попали, подумайте, как можно было бы это устроить.

Оппонент дёрнулся было что-то сказать, но Финкельштейн прервал его:

– Ступайте, Рудольф, оставим эту бессмысленную полемику, делайте, как я вам говорю, иначе ваша тенденция подкрашивать свои пёрышки белой краской окончательно превратит вас в белую ворону.

Бланжек отошёл от двери, дабы не смутить выходящего, прислонился плечом к стене возле окна, которое выходило во двор. Посередине двора располагался круглый фонтан, давно уже не функционирующий, позеленевший и поросший мхом. В центре фонтана возвышалась женская фигурка. «Эвтерпа – муза лирической поэзии и музыки», – подумал Эмиль, взглядываясь в каменную скульптурку.

«Значит, мне довелось услышать разговор директора училища с руководителем концертно-исполнительской практики, – размышлял Эмиль. – Этот руководитель своенравный

малый, не побоялся отстаивать свою точку зрения перед директором. Надеюсь, ему удастся отстоять позицию касательно афиши, ведь он абсолютно прав».

В этот момент дверь распахнулась, из кабинета вышел молодой человек лет тридцати, худощавый, с острой бородкой, серьёзным, даже напряжённым, интеллигентным лицом. Мимолётно взглянув на Бланжека, не придав никакого значения его присутствию, он энергично зашагал по направлению к выходу. Через несколько мгновений вновь воцарилась тишина. Эмиль подошёл к двери. Голосов больше не было слышно, по-видимому, посетителей в кабинете не осталось. Он постучался и, услышав приглашение директора, вошёл.

Мебель красного дерева, золотые канделябры, хрустальная люстра, огромные напольные часы – роскошный интерьер несколько смутил Бланжека, придавая ситуации излишнюю официальность. На стене висел один-единственный портрет неизвестного ему композитора; крайнее изумление охватило Бланжека, когда он прочитал надпись на табличке: *«Адам Смит (1723–1790) – шотландский экономист, философ, один из основоположников современной экономической теории»*. За столом сидел тучный человек с круглым лицом, пухлыми, короткими руками; на пальцах блестели перстни с драгоценными камнями, верхняя пуговица рубашки была расстёгнута, узел галстука спущен на грудь. Не предложив визитёру сесть, директор спросил:

– Так, с чем вы пожаловали? Вы из нотариальной конторы по поводу заверки наших сертификатов?

– Господин директор, – начал, слегка запнувшись, Бланжек, – я командирован ректоратом консерватории города Эйматштадта для занятия концертной и преподавательской деятельностью у вас в училище. Я дирижёр, композитор и пианист.

Директор Финкельштейн слегка замялся, стал рыться у себя на столе в поиске каких-то бумаг, затем вскочил, подошёл к шкафу и, поставив руки на пояс, стал там что-то искать глазами. Ростом он был невысок, двигался довольно проворно, несмотря на свою полноту. Так ничего и не найдя, Финкельштейн опустил обратно в своё кресло.

– У меня нет никакой информации о вашем приезде, – начал он, – на заседании комитета меня об этом не предупредили.

– Но у меня с собой рекомендательное письмо, – вставил Эмиль, – вот, возьмите!

– Нет-нет, не нужно, ваше письмо не имеет здесь никакой юридической силы, я принимаю письма, подписанные только главой комитета по культуре, приходите в другой раз, если, конечно, получите его подпись, без неё для вас нет допуска ко мне на собеседование.

Эмиль оторопел. Он не ожидал такого поворота событий, ведь всё должно быть согласовано на уровне ректора, в родной альма-матер его не могли обмануть, не могли упустить

из внимания сколь угодно важную деталь.

– Господин Финкельштейн, это какой-то абсурд. Я окончил консерваторию с отличием, уже на старших курсах я занимался дирижёрской практикой, музыку я пишу с первых классов школы, у меня с собой партитура моей Третьей симфонии, недавно её исполняли в Большом зале Эйматштадтской филармонии. В конце концов, какая-то подпись – это ж пустая формальность, да и зачем проходить собеседование, я могу незамедлительно приступить к работе!

– Послушайте, как вас там, Бланжек, основной целью деятельности нашего заведения является извлечение прибыли!

– Прибыли?

– Да, прибыли, то есть материальных средств, полученных в ходе хозяйственной деятельности, если выразаться деловым языком. И как раз таки подпись председателя комитета показывает, может ли та или иная личность быть нам полезна и насколько эффективно будет использование данных трудовых ресурсов. Вам всё понятно?

Потеряв почву под ногами, Эмиль был не в силах что-либо вымолвить.

– Не стойте как истукан, я вам всё объяснил, больше ничем помочь не могу.

– Позвольте, – робко произнес Бланжек, – но какая может быть в училище коммерческая деятельность, ведь это не магазин и не закусочная какая-нибудь?

– Да какая угодно: концерты, платные курсы и всё осталь-

ное, чем мы занимаемся; вас это касается постольку-поскольку, поэтому не задавайте лишних вопросов. Идите! Мои приёмные часы истекли.

Эмиль вышел прочь из кабинета, едва не хлопнув дверью. Благодаря своему благородному происхождению и блестящему воспитанию, он всегда сдерживал себя, однако его пылкой натуре не каждый раз удавалось скрывать свои чувства. Побродив по этажу, собравшись с мыслями, Эмиль решил, что другого выхода, кроме как поехать в комитет по культуре, у него нет. В рекреации перед центральной лестницей его взору предстало оригинальное зрелище: интеллигентный мужчина средних лет в спортивном костюме, лёжа на циновке, занимался гимнастикой. Пиджак, брюки, рубашка, галстук и портфель были аккуратно уложены на подоконнике. Дабы не смущать джентльмена, Бланжек, не мешкая, свернул в проход к лестнице. Тут перед ним развернулась ещё одна, не менее занимательная сцена: два пожилых господина, расставив складные стулья и столик, преспокойно играли в шахматы. При этом один из них попивал кофе, а другой курил сигару. Оставшись не замеченным игроками, Эмиль спустился по лестнице на первый этаж, в вестибюль, где картина значительно изменилась с момента его прихода. Теперь тут было полно народу: одни толпились у двери, то и дело поглядывая на часы, другие беседовали, стоя в стороне, третьи читали газеты, а четвёртые просто отдыхали, закрыв глаза. «Вероятно, разразилась гроза, – подумал Блан-

жек, – придётся тоже пережить». Однако, отодвинув портьеру, Эмиль не заметил в погоде никаких изменений.

– Что здесь происходит? – обратился он к портье, сидевшему за столом. – Почему никто не выходит?

– Видите ли, в чём дело, молодой человек, – произнёс портье, откинувшись на спинку кресла, – у нас в дирекции, впрочем, как и в самом училище, очень строгий режим, и все эти люди вырабатывают своё время. Моменты входа и выхода чётко фиксируются, если у кого-то за неделю наберётся более минуты недоработанного времени, его ждут большие неприятности. У одного нашего сотрудника недавно накопилось более трёх минут, так его уволили без права трудоустройства в родственные организации. И надо добавить, что это был один из наших лучших преподавателей, блестящий специалист и замечательный человек!

– А те люди, что играют в шахматы и занимаются физкультурой на этаже?

– Да-да, и они тоже вырабатывают время, и директор вырабатывает, это контролируется вышестоящими инстанциями. Их не касается, кто и каким образом отработывает, они проверяют только сухие отчёты, только графики движения сотрудников через проходную.

Недоуменно взглянув на портье, Бланжек не нашел, что бы сказать или спросить. Решив, что пока сотрудником училища он не является, значит, входить и выходить может относительно свободно, Эмиль спокойно вышел из зда-

ния дирекции. Неподаляку от входа он заметил того самого джентльмена, Рудольфа, стоявшего в задумчивости и курящего трубку, опершись на зонт-трость. Эта фигура ещё по разговору, который ему довелось подслушать, заинтересовала Бланжека. Теперь ему представилась возможность лично познакомиться с Рудольфом, и, недолго думая, Эмиль направился в его сторону. Своим приветствием он словно разбудил погружённого в задумчивость и как бы дремавшего наяву Рудольфа.

– Что вам угодно, кто вы? – произнёс он, взглянув на Бланжека своим острым, серьёзным, суровым взглядом.

– Я Эмиль, мы встречались у дверей директора, простите, что побеспокоил, не хотел отвлекать вас от размышлений, но...

– Бросьте! – прервал Рудольф, – я просто смотрел вдаль. Люблю смотреть вдаль. Такое чувство, словно куда-то уносишься от насущных проблем, от надоевшей суеты. Глядишь себе на небо, на облака, на какое-то одиноко стоящее дерево, покачивающееся на ветру где-то далеко за домами; быть может, под ним сидит человек, простой человек, и читает книгу или играет на гитаре. Без какой-либо цели, просто сидит, прислонившись спиной к дереву, играет и смотрит туда же вдаль, на то же небо, может, даже на то же самое облако. А это облако безмятежно плывёт, у него нет ни цели, ни начала, ни конца, оно не знает ни добра, ни зла, ни дня, ни ночи. А как прекрасны птицы, кружащие, парящие, пикирую-

щие там, над линией горизонта, аж дух захватывает! Другие щебечут, спрятавшись в кроне дерева, сидя на ветвях, как на жёрдочках. Как уютно и как естественно им там сидится! Птица – олицетворение свободы. Всегда завидовал птицам, до чего прекраснейшие виды открываются их взору с высоты их, птичьего, полёта; впрочем, кто им не завидовал?

Несколько переведя дух, заметив заинтересованный взгляд Бланжека, Рудольф восторженно продолжил:

– Особенно восхитительны закаты, каждый день разные! Вечером, когда всё успокаивается, небо на западе окрашивается то в лиловый, то в апельсиновый, то в багровый цвет, и с каждой минутой появляются новые оттенки этого цвета, плавно перетекающие друг в друга, будто некий небесный художник смешивает краски на своей нерукотворной палитре. Перспектива, свобода, цвет, тон, динамика, композиция – все эти понятия, которыми изобилует природа, так близки нам, музыкантам. Музыка, как природа, как звёзды, как само собой разумеющееся, вечное, вездесущее и ни от чего не зависящее, влечёт нас своим волшебством. Композиторы и музыканты, словно приёмники этой энергии, этих сигналов, исходящих от Бога, от природы, из космоса, записывают их на языке нот или улавливают во время импровизации. Сама философия создания произведений искусства берёт своё начало в Древнем Китае. Китайские философы утверждали, что творческий процесс есть некая «трансформация небесных письмён», то есть художник переводит посланное ему

свыше на язык, понятный для человека, будь то музыка, картина или стихотворение. Здесь же можно привести и библейскую аналогию: Бог Отец послал на землю своего Сына, воплотив его в человеческий облик через Пречистую Деву Марию. В этом смысле Дева Мария выступает в роле божественных, небесных врат. Нисходящее свыше – это не что-то суррогатное или надуманное, это и есть настоящее искусство, настоящее волшебство! Оно не предназначено для того, чтобы кого-то развлечь, развеселить, взволновать или растрогать, оно существует само по себе, независимо от нас, а мы с восторгом, заворожённо созерцаем его.

Рудольф умолк и устремил горящий взгляд куда-то ввысь, будто старался разглядеть уже скрывшийся за облаками, провожаемый взором воздушный шар.

– Соглашусь с вами, Рудольф, – заговорил Эмиль. – Всегда чувствовал, что та музыка, которую я пишу, не является моей придумкой, кажется, что она где-то жила своей жизнью, а мне довелось лишь только записать её. Наверное, вдохновение – это и есть то особое состояние восприимчивости, в котором нам и удаётся принимать и воспроизводить такой особо тонкий вид материи, как музыка. Порой откроешь партитуру одного из своих давнишних сочинений и удивляешься: разве это я написал такую музыку, как я мог это сделать, откуда это пришло? Поэтому, я считаю, такой порок, как гордыня, крайне редко присущ настоящим творцам.

– Вы правы, – поддержал Рудольф, – не случайно великий

Бетховен говорил, что «подлинный художник лишен тщеславия, он слишком хорошо понимает, что искусство безгранично».

На несколько минут оба собеседника погрузились в философские раздумья, навеянные состоявшимся разговором. Эмилю вспомнилось лето прошлого года, проведённое им на природе в работе над его последним крупным сочинением – Третьей симфонией. Как пытался он сопоставить совершенные формы природы с фигурами музыкальных фраз. Своеобразной ностальгической волной захлестнуло Бланжека чередование идиллических картин того периода, однако впечатление от визита в дирекцию свербело, как заноза в пятке.

– Скажите, – обратился он к Рудольфу, – действительно ли в училище действует некая система выработки времени и за счёт чего всё функционирует? Ведь тогда получается, что можно приходить на работу и весь день напролёт играть в вист или в кости?

Рудольф рассмеялся.

– Энтузиасты! Система держится на энтузиастах, Эмиль. Есть достаточное число людей, которые занимаются своим любимым делом с полной самоотдачей, они не просто приходят на работу, чтобы получать каждый месяц деньги, просяживая нужные часы в этой системе «убийства времени», для них работа – это жизнь, они живут этим. Но и такие люди страдают: недавно нашего лучшего преподавателя элементарной теории музыки, сольфеджио и гармонии уволили

из-за трёх минут за неделю! Это нелепица, нонсенс, у меня такое никогда не уложится в голове! Однако при такой системе в каждой организации заводится немалое количество паразитов. В сфере искусства, как вы понимаете, их, конечно, меньшинство, в то время как в других областях засилье паразитов порой приводит к банкротству предприятий. Впрочем, и у нас в училище не так давно появлялся субъект, выдававший себя за преподавателя фортепиано. Только через полгода выяснилось, что он работает ночным сторожем, а днём в училище отсыпается после ночной смены, при этом за рояль он не садился ни разу в жизни. Этот мошенник отпускал студентов домой, а сам расстилал на полу матрас, включал магнитофон с записями фортепианной игры, запирался изнутри на ключ и преспокойно спал. Самое удивительное, что уволить его стоило нам немалых трудов. Верховный комитет долго сопротивлялся, утверждая, что временные показатели этого сотрудника превосходят нормативы. Тем не менее после написания нами грандиозной петиции, разъясняющей всю неправомерность нахождения сего гражданина в данной должности, комитет признал увольнение законным.

– Как же этого негодяя вообще приняли на работу? – с негодованием воскликнул Эмиль. – Мне лично на собственном опыте довелось сегодня убедиться в том, что к вам попасть не так-то просто!

– У него была рекомендация из комитета по культуре, безусловно, она была купленная, но зачастую наличие рекомен-

дация является единственным необходимым и достаточным требованием для вступления в должность. Директор Финкельштейн бегло взглянул на бланк рекомендации со штампом и подписью председателя – и дело в шляпе, обманщик был принят. И никакого собеседования не было, ведь директор училища сам смыслит в игре на фортепиано не больше того мошенника. Финкельштейн всё меньше и меньше вдаётся в различные детали, особенно в те, что не имеют отношения к коммерции. Десять лет, просиженные в директорском кресле, заметно подсушили его мозг и обеднили душу. С годами у подобных чиновников мозги вялятся, как рыба на ветру. Когда за весь день единственным делом было оторвать очередной лист отрывного календаря и изо дня в день это бездумное однообразие повторяется, живость ума теряется, память слабеет, душа увядает. Давно, когда я юным выпускником только попал в училище, Финкельштейн казался мне полубогом. «Вот это личность! Это человек! – думал я. – Директор училища – величина, гуру, пример для подражания!» С каждым годом эта иллюзия всё растворялась и растворялась, теперь же от неё не осталось и следа, директор окончательно потерял в моих глазах всякий авторитет. Теперь я вижу в нём лишь полный набор скверных качеств, которые помогли ему вскарабкаться на весьма солидный пост: лживость, лицемерность, двуличность, подлость. Полчаса тому назад вы, Эмиль, были в его кабинете, а сейчас он про вас уже забыл и даже не вспомнит, если снова увидит. Он придал

значения вашему визиту не более, чем мы придаём валяющемуся на земле камню, мимо которого проходим по дороге.

Заметив печаль в глазах Бланжека, Рудольф добавил:

– Вероятно, у вас возникли какие-то трудности при приеме, директор не взял вас? – Эмиль кивнул. – Ничего не поделаешь, таков этот «бумажный», бюрократический режим. Отправляйтесь к председателю комитета по культуре, кроме него, вам больше никто не поможет. Сегодня дело уже идёт к вечеру, вам есть где остановиться?

– Как было условлено раньше, жильё мне должно было предоставить училище, но теперь всё срывается, – с грустью ответил Бланжек.

– По поводу жилья не расстраивайтесь, тут я смогу вам помочь. У моего отца есть старый школьный друг – профессор Гаспар де Люка. Очень уважаемый и очень интересный человек, дважды доктор наук: физико-математических и философских. Он живёт в собственном особняке и весьма любит принимать гостей. Не стесняйтесь, поезжайте к нему, уверен, вы найдёте общий язык. Расскажите ему свою историю, скажете, что прислал вас Рудольф Фацекас, моего отца зовут Франц Фацекас. Езжайте! И успехов вам завтра в комитете, Эмиль!

Рудольф написал записку для профессора де Люка, и, обменявшись рукопожатиями, новоиспечённые товарищи расстались.

Глава III

Профессор Гаспар

Восемнадцатый трамвай должен был довезти Бланжека до кольца, в нескольких кварталах от которого располагался дом профессора де Люка. В трамвае все места были заняты, некоторые пассажиры стояли. Одеты все были в похожую одежду, потрёпанную, изношенную, с лоснящимися от старости и постоянного ношения рукавами. Лица у пассажиров в своём большинстве были измождённые; мешковато обмякнув в креслах, ехали эти усталые люди, словно угнетённые каким-то непосильным трудом. Многие из них читали одинаковые газеты, вероятно бесплатные, взятые где-то по дороге. Разрозненными клочками безыдейной, пустой, ненужной информации отравляли они свои раскисшие мозги. «Почему у людей нет стремления к истинному просвещению? – размышлял Бланжек. – В мире столько великолепной литературы; зачем пичкать себя этой гадостью: сплетнями, слухами, преступлениями, следствиями и судами?»

На одной из остановок вошёл крепкий, коренастый парень с тяжёлым рюкзаком и поставленным громким голосом рыночного торговца стал предлагать приобрести у него электрический фонарик, расписывая эту вещь в самых радужных цветах. Несколько пассажиров сделали это «важное» при-

обретение, и обрадованный продавец сошёл на ближайшей остановке, с тем чтобы продолжить свою торговую деятельность в очередном трамвае. А через несколько остановок в вагон вошёл тщедушный однорукий мужчина с прохудившейся кошёлкой, висевшей на его единственной руке, и начал рекламировать тот же самый товар. На этот раз никто из пассажиров активности не проявил, так как те, кто мог заинтересоваться, данное приобретение уже сделали. Жалкий торговец понуро встал у дверей, ожидая следующей остановки, чтобы выйти. «Не повезло бедняге, – подумал Бланжек, – куплю, пожалуй, у него этот фонарь». В результате, выходя из трамвая, однорукий радовался, что совершил хоть одну продажу.

На конечной Эмиль сошёл, оказавшись на просторном зелёном пустыре, к северу от которого пролежала улица с одноэтажными домами. По описанию Рудольфа, на ней и находился дом профессора. Около полутора километров прошёл Бланжек по этой зелёной улочке мимо одноэтажных, двухэтажных, бревенчатых, кирпичных и каменных домов, обнесённых столь же разнообразными заборами, пока не оказался перед домом профессора. Это был деревянный двухэтажный дом, с виду весьма уютный, довольно большой, с балконом на втором и лоджиями на первом этаже. За участком тщательно ухаживали: газон перед домом был аккуратно подстрижен, на клумбах фигурных форм красовались педантично посаженные цветы разных видов; вдоль дорожек, вы-

могучих белой галькой, росли симпатичные карликовые кустарники. Калитка оказалась открыта. Бланжек вошёл. Не успел Эмиль закрыть калитку, как подле него оказался очаровательный немецкий курцхаар, завилял хвостом, закрутился, завертелся, стал радостно подпрыгивать и гавкать – определённому гостю пришёлся ему по нраву. «Ну, проводи меня к своему хозяину, дружище!» – сказал Бланжек, поглаживая пса по голове. Последний рванул ко входу в дом, миная все ступени, запрыгнул на крыльцо и принялся вызывать встречающего своим звонким лаем. Через полминуты дверь распахнулась и на пороге появился бодрый мужчина лет шестидесяти в длинном шёлковом халате с удивительными декоративными узорами, делающими его похожим на одежды с полотна Климта. Седая борода удлиняла его вытянутое загорелое лицо. Бросив приветливый взгляд на Бланжека, он махнул ему, как бы приглашая войти:

– Добро пожаловать! Гаспар де Люка к вашим услугам! Чем могу помочь? – Эмиль поднялся на крыльцо, представился, подал профессору записку от Рудольфа Фацекаса, добавил, что тысячу раз извиняется и будет бесконечно благодарен, если тот предоставит ему ночлег.

– О чём речь, конечно, проходите! – весело ответил профессор, протянув гостю жилистую, сухую и крепкую руку. – Рад познакомиться, Эмиль! С Францем и Рудольфом Фацекас с давних пор мы одна семья.

Из небольшой прихожей дверь вела в просторную светлую

гостиную, обставленную со вкусом, без излишней помпезности. На стенах висели несколько портретов выдающихся личностей, среди которых были Сократ, Достоевский, король Генрих IV Наваррский, Герман Гессе, Исаак Ньютон и другие. Во всех работах прослеживался один и тот же уникальный авторский стиль. Подойдя поближе, Бланжек принялся рассматривать портрет Генриха IV: сквозь тонкий слой масляных красок проглядывала текстура холста, детально прописанное лицо казалось объёмным, одежда, украшенная своеобразными орнаментами, выглядела плоской. На фоне в шахматном порядке автор изобразил fleur de lys – геральдическую лилию, символ королевской власти во Франции. Симметрия, ритмичность линий рисунка в одежде перекликались с удивительной проникновенностью взгляда.

– Это работы Франца, – прокомментировал профессор, заметив заглядевшегося на портрет Эмиля.

– Очень впечатляет, прямо-таки некий синтез модерна и древнерусского искусства! Значит, отец Рудольфа художник?

– О да! Не просто художник, а большой мастер с мировым именем, теоретик искусства, писатель, публицист. Здесь вы видите одни из первых его работ: будучи молодым самоучкой, он раздаривал холсты своим друзьям, теперь же картины Франца уходят с молотка на аукционах по всему миру. С одной стороны, мне они дороги как память, с другой – как бестелесные обитатели моей гостиной. Поэтому продавать их я

и не помышляю.

Бланжек остался разглядывать портреты, в то время как профессор отправился на кухню, чтобы позаботиться об ужине для своего гостя.

– Пройдёмте на террасу, Эмиль, посидим, побеседуем, – пригласил де Люка, вернувшись через несколько минут с подносом в руках. – Уже смеркается, должно быть, вы изрядно устали.

С террасы открывался прекрасный вид в сад; солнце уже зашло, оставив на западе, над горизонтом, побагровевший кусочек неба. Джентльмены уселись в кресла-качалки, Эмиль укрылся пледом – было уже довольно прохладно, – а закалённый учёный остался в одном лёгком халате.

– Я живу один, Эмиль, в прислуге я не нуждаюсь, питаюсь скромно, веду размеренный образ жизни исследователя: преподаю один раз в неделю и пишу философский труд под названием «Эсхатологическая тематика в немецкой графике эпохи Возрождения». В остальное время живу простой, умиротворённой человеческой жизнью: молюсь, созерцаю, читаю, слушаю музыку, совершаю длинные пешие прогулки с собакой, плаваю в озёрах.

– В целом довольно динамично, господин профессор. Всё же вы тратите достаточное количество энергии и при этом склонны к аскетизму?

– Зовите меня Гаспар, в стенах моего дома всяческие почести ни к чему. Видите ли, в чём дело, Эмиль, плотно пи-

таться не свойственно человеческой природе. Вспомним доисторические времена: земледелие было развито слабо, скудный урожай строго делился между всеми членами общины, охота удавалась далеко не каждый раз. Похожая ситуация и среди крестьянства: разве была у крестьянской семьи возможность каждый день есть мясо? Свинью забивали раз в год – мяса и сала хватало на два-три месяца, остальные девять-десять месяцев жили и вовсе без мяса. Каждый кусок хлеба ценили, крошки со стола сметали не в мусорку, а в рот. Рыболовство возможно не в каждом уголке планеты, многие селения значительно удалены от любых водоёмов. Это сегодня с развитием промышленности у населения появилась возможность поесть сомнительную пищу в любых количествах. А породил такую возможность нынешний капиталистический строй – система, где царствуют жаждущие наживы люди; им нужно любой ценой загрэбать деньги в неограниченном количестве, как радже из известной индийской сказки про золотую антилопу. Человечество долго боролось с рабовладельческим строем, но сегодня поработители вернулись в новом обличье. Эксплуататорам нужно, чтобы мы на них работали, а если раба плохо кормить – он станет плохо работать. Производители, в свою очередь, заинтересованы увеличивать выпуск и снижать себестоимость продукции за счёт ухудшения её качества. Человек вынужден покупать и поглощать большое количество пищи, чтобы восполнить потраченную энергию. Ранний подъём под звон будильни-

ка, поспешные сборы, длинная дорога, угнетающий труд и в завершение дня – обратная дорога. Заходя в магазин, люди оставляют там свои деньги продуктовым монополистам, а придя домой, съедают купленное, чтобы завтра с новым зарядом энергии вновь предаться невольному труду. Люди сами виноваты, что дали поймать себя на удочку страстей, ведь носить дорогой костюм или купить новый автомобиль – это и есть те мирские ценности, за которыми все гонятся, позабыв о главном. Разрушая себя, человек трудится на благо порабощителей-капиталистов. В то время как монах или йог, живущий в гармонии с миром, съедает пятьдесят граммов кореньев в день. Его дух настолько силён, что учит тело не растрчивать, а накапливать энергию. Но я не аскет и не вегетарианец, Эмиль, и из системы рабства и угнетения мне удалось выбраться, поэтому я потребляю ровно столько, сколько требуется для поддержания моей мозговой деятельности.

Бланжека заинтриговали высказывания профессора, ведь на практике он никогда не сталкивался ни с угнетением, ни с порабощением. В его родном Эйматштадте – этом милом средневековом городке – сохранились самые тёплые и дружелюбные отношения между людьми. А первое проявление бесчеловечной бюрократии встретилось ему сегодня в дирекции училища.

– Вы так говорите, Гаспар, словно любая организация – это бордель, а её сотрудники – проститутки.

– Конечно не любая, Эмиль, далеко не любая. Есть очень достойные предприятия с высочайшей культурой отношений, и в одном из таких мест мне довелось работать. Но есть и именно такие заведения, о которых вы говорите, где людей воспринимают как невольников и невольниц, а акционеры этих предприятий, соответственно, превращаются в сутенёров-наильников! И им неважно, кто ты: фрезеровщик или начальник цеха, то есть дешёвая или элитная проститутка, – имеют всех одинаково. Нет, это даже не бордель! Это невольничье кладбище! Несчастные люди лежат в гробах, заживо похороненные, и если они не разломают руками и ногами стенки гроба и не выберутся на свет – так и проведут остаток жизни, замурованные во тьме! Гладиаторы в Древнем Риме бились насмерть, чтобы завоевать свободу.

– Гаспар, но ведь получается, что человечество само себя довело до такого состояния. Если бы все жили, как индейцы, не стремясь к цивилизации, равномерно распределяясь по всей площади континента, не образуя мегаполисов, каждая семья, возделывая свой участок земли, – в мире царили бы равенство и свобода.

– Безусловно, многих бед тогда можно было бы избежать: и мировых войн, и загрязнения экологии, и капиталистического деспотизма, и рабовладельческого строя, и диктатуры, и национализма, и многого другого. Да и процессы глобализации, уничтожающие многообразие культур, не имели бы места. А что касается создания мегаполисов, то тут

мы прекрасно знаем на примере Византии, что именно централизация и бюрократизация правительственного аппарата привели к падению великой империи. Но люди ведь легко поддаются искушению: одних влечёт власть, других – деньги, третьи жаждут хлеба и зрелищ; вот мы теперь и пожинаем плоды этих соблазнов, приведших к формированию современных политических, социальных и экономических систем. Вспомните одиннадцатый псалом: «Повсюду ходят нечестивые, когда ничтожные из сынов человеческих возвысились» [Пс.11:9]. Этим «нечестивым» мы и обязаны современным укладом жизни.

Профессор умолк, налил себе ещё одну чашечку травяного чая и, углубившись в кресло, стал покачиваться, глядя в небо. Серповидный месяц отражался в его сияющих глубоких глазах. Белые как снег, седые, коротко подстриженные волосы будто бы флуоресцировали в вечерней атмосфере. На небе уже загорались звёзды, кругом стрекотали сверчки, в окнах соседних домов зажигался свет. Где-то топились печки: столбики дыма ровно поднимались вверх в неподвижном воздухе.

– Скажите, Гаспар, как завязалась ваша дружба с Францем? – спросил Эмиль, вспомнив понравившиеся ему портреты в гостиной.

– О, Франца я знаю столько же, сколько себя. Ещё до школы мы играли вместе в песочнице, а с первого класса и до выпускного проучились вместе, будучи лучшими друзьями.

После окончания школы поступили в Буденштальский национальный технический университет, правда, на разные факультеты. На первом курсе судьба преподнесла мне чудесный подарок: я познакомился с прекрасной девушкой, которая позднее стала моей женой. Но вскоре моё счастье сменилось страшным горем: моя жена погибла, не успев оставить мне ни сына, ни дочери. Родителей к этому моменту уже не было в живых, братьев и сестёр у меня нет. И в этот трагический для меня момент рядом оказался только Франц. Его родители – прекрасные люди – предложили мне пожить у них. Я переехал. Больше года прожил я в семье Фацекасов. Они оказали мне колоссальную поддержку, вытащили из страшной депрессии. С тех пор Франц стал мне как брат, а его сын Рудольф – моим крёстным сыном.

Гаспар прервался, словно горечь былых переживаний встала комом в горле.

– В тот год изменилось моё отношение к смерти, – продолжил профессор через пару минут, – я перестал её бояться. Я стал относиться к ней как к моменту, когда распахнётся дверь – и я войду в вечную жизнь. Я окончательно перестал сомневаться в существовании жизни после смерти, после того как выстроил у себя в голове определённую логическую цепочку. Представьте себе, например, состав крови, в которой каждый элемент несёт свой смысл: эритроциты доставляют кислород к тканям тела, лейкоциты борются со зловредными чужеродными частицами, а тромбоциты активи-

зируют процесс свёртывания крови. Сама же кровь выполняет дыхательную, питательную, терморегуляторную, выделительную и другие жизненно важные функции. Таким образом, на примере крови мы видим, как локальные смыслы эритроцитов, лейкоцитов, тромбоцитов порождают общий смысл – смысл крови. В свою очередь этот общий смысл становится локальным для следующего смысла более высокого порядка, то есть сама кровь наряду с пищеварительной системой служит смыслу обеспечения организма питательными веществами. Выходит, что весь человеческий организм представляет собой целую пирамиду смыслов, ведущих к одному центральному смыслу – смыслу жизни. При этом ни один локальный смысл не может быть выброшен из данной пирамиды, поскольку неуклонно ведёт к смыслу следующего порядка. И тут встаёт вопрос: если человеческая жизнь конечна, а сам человек как личность исчезает, перестаёт существовать после смерти, то сама жизнь, получается, не ведёт к смыслу следующего порядка, а следовательно является бессмысленной. Иначе как абсурдом это не назовёшь! К тому же мы уже убедились на примере организма, что любой смысл имеет предшественника и последователя и при этом не может быть конечным или вести к бессмыслице. Значит, смерть – это вовсе не конец, а переход к следующей фазе жизни. Если в первый раз мы вышли из утробы матери, то во второй – высвободимся из собственного тела.

– Точнее не скажешь, Гаспар! То, что я всегда чувствовал

интуитивно, вы легко перевели на язык логики.

– Так вот, Эмиль, в те непростые времена я начал ждать смерть, точно новую встречу с моими родителями и моей супругой. Нет, умереть мне не хотелось, мысли о самоубийстве никогда не посещали меня. Я ушёл в религию, ушёл в науку: писал диссертацию на кафедре физической электроники и параллельно учился на философском факультете. Религия и философия тогда заняли большее место в моей жизни, чем физика – первая моя специальность. Теперь, после стольких лет теософских исканий, я выделил четыре стадии религиозного или теософского роста: неверие, сомнение, вера и знание. То есть всех людей можно разделить на неверующих-атеистов, сомневающих в божественном происхождении вселенной и человека, верующих – исповедующих ту или иную религию, принимая её основные догматы, и знающих. Знающие – это те, кто не просто верит в Бога, а знает, что он существует. Они знают о его существовании так же, как астрономы знают о существовании Солнца. Даже многие верующие в глубине своей души сомневаются, а знающие не допускают никаких сомнений, они встретили Бога, непосредственно пришли к Нему. Я знал одного проповедника из Армянской апостольской церкви, который говорил: «Я не только верю во Христа, я знаю Христа!» Сам я далеко не образцовый христианин, но уже с давних пор причисляю себя к знающим. Причём и первые три стадии мне тоже довелось пройти. А вы, Эмиль, к какой группе или к какой фазе ду-

ховного знания причислили бы себя?

– Очень интересная концепция, Гаспар. Я недавно обратил внимание, что некоторые из моих знакомых, будучи закоренелыми атеистами, начали читать Библию, молиться и ходить в церковь. Значит постепенно от неверия можно прийти к знанию. Сам же я всегда считал себя верующим, думаю, до уровня знающих мне ещё предстоит дорасти. С детства родители приобщали меня к вере. Моя мать православная, а отец – католик. Почти каждое воскресенье мы с мамой ходили в православный храм на литургию, а на неделе с отцом – в костёл на вечернюю мессу. Потому одно время я был приверженцем экуменизма, ведь центральные догматы и таинства у всех христиан едины. Но теперь стал больше тяготеть к православной вере как к более полной, донёсшей до нас в первоизданном виде подлинное ядро христианства. А экуменистом я был в плане принятия идей всехристианского единства, то есть братства, партнёрства, дружественности, но не в плане объединения различных христианских конфессий в одно целое; думаю, в силу теологических разногласий это невозможно. А что касается обрядовости, то тут каждая церковь, я считаю, должна хранить свои традиции.

– Знаете, Эмиль, каждый мой день рождения мне приходит огромное количество поздравлений от моих учеников. Многие пишут, как безмерно они благодарны, что я в своё время вытащил их из атеизма. Убеждён: задача любого верующего христианина – привести ближнего – атеиста или

сомневающегося – к вере и к знанию, указав ему истинный путь, изложенный в учениях Христа, Апостолов и Святых Отцов. А все те, кто необоснованно искажает учения с той или иной целью, объединяются в секты. По этому принципу и атеистов можно назвать сектой, причём весьма сомнительной; а некоторые выходцы из неё порой даже опасны. В первую очередь атеизм вреден для самого носителя данной идеологии; это лишь одна из многочисленных невежественных теорий, не имеющая под собой оснований, и большинство моих студентов убедились в этом, пойдя религиозным путём. У атеистов нет никаких фактов, опровергающих бессмертие души и уж тем более – существование Бога. Атеист может лишь сказать: «Не верю!» – в то время как религиозный человек, независимо от вероисповедания, приведёт ему массу подтверждённых современной передовой наукой очевидных обоснований, опровергающих его односложную позицию. Одно время я читал курс лекций по теологической антропологии, где поднимал массу очень интересных вопросов, ответы на которые современная наука дать не может, да и вряд ли когда-либо даст. Например: представим себе змею, мозг у которой с ноготок и интеллект полностью отсутствует. Как эта змея миллионы лет назад смогла разработать уникальный нейротоксический яд, приводящий к незамедлительной смерти жертвы от паралича? Все «просвещённые» рационалисты скажут: «Но это же природа создала змею и её яд». А мы ответим: но что такое природа? При-

рода – это камень, травинка, воздух, солнечный свет, волны, набегающие на берег океана. Вот уж я сомневаюсь, дорогие друзья, что капля росы, песчинка и одуванчик одним прекрасным вечером собрались в лаборатории и разработали для своей подружки змеи смертоносный яд, полный аналог которого до сих пор не создан лучшими химиками современности!

Профессор де Люка сделал небольшую паузу, после чего продолжил:

– А какими пособиями и справочниками пользовались травы, да-да, травы – обыкновенные растения, когда более трёхсот миллионов лет назад изобретали аналог автомобильного турбокомпрессора? Тогда уровень углекислого газа (CO_2), жизненно необходимого растениям для фотосинтеза, в атмосфере Земли сильно упал, и травы умудрились создать механизм нагнетания CO_2 в своих стеблях, чтобы не погибнуть в изменившихся условиях. Как растения смогли перестроить свою структуру, не имея о самих же себе никаких представлений? Мы, учёные, сегодня можем только представить и описать алгоритм этого процесса, но не можем сказать, согласно какому велению был запущен данный алгоритм. Мы можем только исследовать, описывать исследованное и выводить научные законы, базируясь на полученных экспериментальных данных, но не можем утверждать, что знаем причины возникновения этих законов. Так же, как и дети, мы познаём мир, только на более высокоинтеллек-

туальном уровне: ребёнок понимает, что круглый шарик катится по полу, а физик может представить, как величина силы трения в зависимости от степени адгезии контактирующих поверхностей влияет на величину ускорения шарика. То есть и дети, и учёные просто познают законы устройства мира, существующие независимо от человека. Отсюда я делаю вывод, что все законы существовали задолго до появления Земли или даже до появления Вселенной. Эти законы были созданы и прописаны в особом Центре Высшего Разума, вероятно, его мы и называем Богом (Богом Отцом в христианстве). Способность осознания данного Центра много выше возможностей человеческого разума, и описать его невозможно. Вам наверняка известно, что в представлении современной науки о рождении Вселенной доминирует теория Большого взрыва, которая вовсе не противоречит богословским представлениям о создании мира. До Большого взрыва Вселенная находилась в сингулярном состоянии – состоянии бесконечной плотности и температуры вещества. После Большого взрыва Вселенная начала стремительно расширяться, температура падать, и через несколько минут уже могли формироваться атомные ядра. Спустя четыре тысячи лет температура снизилась до уровня, при котором стало возможным появление атомов водорода. А через полмиллиона лет вследствие объединения ядер и электронов в электрически нейтральные атомы материя стала прозрачна для света, свободно распространявшегося в пространстве.

Этот первозданный свет, называемый реликтовым излучением, дошёл до наших дней и был зарегистрирован специальными приборами. Всем этим я хочу сказать, что уже тогда, с появлением Вселенной, возникли и все законы или протозаконы: и законы гравитации, и распространения света и звука, законы фотосинтеза у растений и закон воздействия змеиного яда на жертву. Позже эти законы обрели конкретные сущности: звук стал музыкой, свет – фотографией и так далее. Таким образом, все современные науки – от философии до квантовой механики – заключают в себе лишь неполный свод божественных законов, установленных человечеством за его многотысячелетнюю историю. Механизмы (физика) появления законов сегодня науке частично известны, но причины (метафизику) их возникновения можно объяснить только волей Творца. Многие ещё предстоит открыть, но большая часть навсегда останется для нас загадкой в силу неспособности нашего разума к высшему осознанию.

Собеседники приумолкли. Часы уже показывали полночь. Профессор, закрыв глаза, покачивался в кресле-качалке; Эмиль, устремив взор к звёздам, в сторону Сириуса и других светил созвездия Большого Пса, осмысливал всё сказанное профессором.

– Отправляйтесь спать, Эмиль – постель для гостей устроена в спальне на втором этаже, – сказал профессор, укрываясь пледом. – Я же останусь здесь – на свежем воздухе лучше спится.

Бланжек поднялся наверх, вошёл в спальню; там находились ещё два портрета кисти Фацекаса: Павла Флоренского и Франца Кафки. Пронизывающими взглядами они глядели на своего гостя. Бланжеку вспомнилось изречение Шопенгауэра, что великие произведения искусства, будто высочайшие персоны, смотрят на нас и было бы дерзостью первыми с ними заговорить; вместо этого нужно смиренно стоять, созерцательно вглядываясь, и ждать, пока они сами удостоят нас своим общением.

Улегшись в уютную постель, имеющуюся в доме профессора специально для гостей, уставший Эмиль погасил ночник. Лёгкий налёт лунного света высвечивал контрастно прописанные лица на портретах: создавалось впечатление, что два человека выходят из темноты; казалось, они сейчас сойдут с холстов и окажутся здесь, в этой комнате.

Бланжек ещё долго рассматривал картины, постепенно погружаясь в сон, как вдруг внезапно встрепенулся, испуганный резко распахнувшейся дверью.

– Кто там? Гаспар, это вы? – воскликнул Бланжек, присев в постели.

Ответа не последовало, на пороге никого не было, только чёрный прямоугольник зиял на месте отворившейся двери. Эмиль собрался было встать, чтобы закрыть дверь, открывшуюся, по-видимому, из-за сильного порыва ветра, но тут в спальню вошли три полных мужчины в чёрных костюмах с галстуками.

– Возьмём этого? – спросил один из них.

– Давай, не помешает. Снимай с него рубашку, а ты пока расставляй стол, – ответил другой, обратившись к своим напарникам.

Первый громила схватил Бланжека за волосы, выволок из постели и вытряхнул из рубашки, как из мешка. Эмиль грохнулся на пол, стукнувшись затылком о тяжёлый башмак одного из напавших. Тем временем третий успел поставить раскладной стальной стол, напоминающий хирургический. Двое взяли обнажённого Эмиля за руки и за ноги и, несмотря на его сопротивление, уложили на холодную столешницу, закрепив тугими ремнями. Рядом установили сооружение типа капельницы и вонзили в вену толстую иглу. Эмиль увидел, как по трубочке побежала кровь, капая на выходе в стеклянную колбу.

– Что это? Принудительное донорство?! – выкрикнул сокрушённый Бланжек.

Вместо ответа Эмиль услышал чавканье, сопровождающееся похрюкиванием. Повернув голову, он увидел одного из толстяков, в обуви развалившегося на чистой постели и пожирающего куриный окорок. Между тем двое других куда-то удалились. Завершив «трапезу», толстый боров швырнул кость на пол и утёр сальные губы подушкой. У Эмиля начало желтеть в глазах и звенеть в ушах; взглянув на колбу, он увидел её наполовину заполненной кровью.

– Прекратите сосать из меня кровь! Вытащите илу! – взре-

вел Бланжек.

Туша неспешно поднялась с постели, отпихнула ногой обглоданную кость и принялась неспешно, убрав руки в карманы, бродить по комнате, дожидаясь, пока колба наполнится. Сняв колбу, толстяк упаковал её в чемодан, где находилось ещё дюжины две таких же заполненных кровью сосудов. Потом установил пустую колбу и воткнул иглу в другую руку Бланжека с такой небрежностью, что от острой боли Эмиль потерял сознание. Придя в себя, он увидел своё посиневшее тело, по-прежнему лежащее на хирургическом столе. Кровь всё сочилась по трубочке, второй сосуд был уже доверху заполнен. Через минуту кровь стала переливаться через горлышко, капая на пол. Толстяк куда-то исчез. Эмиль стал звать на помощь, но никто так и не появился, только собственное эхо, словно призывая его самого, доносилось издалека. Собравшись с духом, Бланжек из последних сил стал пытаться высвободиться, раскачиваясь на столе вправо-влево. В конце концов стол повалился набок, но неудачно: игла вонзилась глубоко в руку, и от страшной боли Эмиль отключился.

Очнулся Бланжек от того, что кто-то дотронулся до его плеча. Открыв глаза, он увидел перед собой профессора.

– Доброе утро, Эмиль! Уже полдень! Поднимайтесь, а то опоздаете в комитет, – добродушно произнес Гаспар. – Вы какой-то обеспокоенный, неужели плохо спалось на таком шикарном ложе?

Эмиль поднялся с постели, осмотрел руки: никаких кровавых следов и синяков не наблюдалось.

– Всё в порядке, Гаспар, просто приснился какой-то дурацкий сон.

Глава IV

Председатель

Дорогие особняки и ветхие трущобы, господа в атласных костюмах и нищие, спящие на картонках, – всё это открылось взору Бланжека, ехавшему в трамвае спустя три четверти часа с того момента, как он попрощался с профессором. «Почему одни едят с помойки, а другие в ресторане? – спрашивал себя Бланжек. – Почему каждый идёт своим путём, не похожим ни на чей другой? Ведь не сам же человек выбирает себе свой путь! Профессор Гаспар потерял в раннем возрасте жену отнюдь не по своей воле. А стань он семейным человеком – совсем не так бы сложилась его судьба и не был бы он теперь мировым светилом науки. Почему этот Финкельштейн сейчас сидит в директорском кресле и считает денежки, а я еду ходатайствовать о себе в комитет? Наверно, каждый занимает то место, которое ему полагается. А может ли быть человек без места – лишний человек, который нигде неуместен? Видимо, это решает Бог – Он направляет человека по определённым пути, Он посылает ему испытания и даёт поощрения. Тогда почему в мире постоянно ведутся войны и ежедневно совершаются убийства? Ведь не может же Бог направлять людей на пути войны, убийств и грабежей и спокойно лицезреть смерть, тяготы и страда-

ния невинных! Может быть, он отвернулся от нас? Или это мы отстранились от него? А может быть, Бог просто не взирает на всю эту мирскую суету, и жизнь человека ничего не значит, а смерть ознаменует лишь тот самый переход в Царство Небесное? Тогда зачем этот мир был создан? Получается, что в нашем земном мире господствует хаос. Представьте, что один цветок вырос на прекрасной лесной опушке, а другой, точно такой же цветок – на картофельном поле. Какая судьба их ждёт: первый будет цвести, а второй скосят, растопчут или вырвут. Ни тот ни другой не выбирал своей судьбы – так распорядилась природа: в одном случае ветер занёс семена в лес, а в другом – на сельскохозяйственное поле. Что ж получается, что и человеческая судьба зависит от дуновения ветерка? У меня нет ответов на все эти вопросы...»

– Следующая Треугольник, юноша, следующая Треугольник? – хлопотно затрепетал какой-то маленький мужичишка, одёрнув Бланжека.

– Простите, я здесь впервые и не знаю названий остановок, поинтересуйтесь у кондуктора.

Старикашка вскочил с места, неловко бросил свою кошёлку с продуктами на сиденье так, что половина содержимого вывалилась на пол, в проход между рядами, и поспешно поскакал к кондуктору. Пока тот выяснял, когда будет его остановка, Эмиль успел подобрать развалившиеся продукты и уложить их обратно в кошёлку.

– Ещё через две, рано я спохватился, – успокоившись, сказал мужичок, приковыляв обратно. – Мне нельзя опоздать, ни в коем случае нельзя.

– Куда ж вы так спешите, если не секрет?

– Ах, если б вы знали, молодой человек, какая беда со мной приключилась, если б вы только знали, – жалко простонал старичок. – Я везу продукты одному важному чиновнику, и мне придётся ему их возить до конца моих дней. Но я ни в чём не виновен... за что со мной так обошлись? Дело в том, что я сельский житель, а неподалёку от моего домика расположилась усадьба этого злосчастливого чиновника. Прошлой весной случился очень сильный паводок и участок чиновника значительно затопило. Когда тот приехал, случившееся ввергло его в ужас, а на следующий день он привёз экспертов для подсчёта ущерба – получилась внушительная сумма. И вину всю повесили на меня: якобы это я так расположил дренаж своего участка, что вся вода стекала на территорию чиновника. Но это же вздор! Дренаж тут вообще ни при чём, от меня до чиновника добрых метров двести. А дело всё в том, что русло реки изгибается так, что дом чиновника стоит прямо на берегу – вот его и затопило. В конце концов всю сумму повесили на меня. Но денег у меня нет, тем более таких, и вот теперь мне приходится расплачиваться собственными продуктами с моего огорода. Каждую неделю в определённое время и место я везу ему сумку с продуктами. Куда я только не мотался, и с каждым разом всё

дальше. А стоит мне чуть задержаться – он сразу грозит мне судом, будто я уклоняюсь от штрафных санкций.

Рассказчик остановился и схватился рукой за лицо, пытаюсь сдержать слёзы. Жилы на впалых висках запульсировали, сухая рука затряслась, спина вздымалась от неровного дыхания – старичок плакал. Чувства острой жалости к бедолаге и резкого отвращения к его обидчику смешались в груди Бланжека. «Нужно помочь несчастному, – думал Эмиль, – но ехать вместе с ним к чиновнику я не могу, иначе опоздаю в комитет. Сначала разберусь со своими делами, тогда смогу и старичка выручить».

– Держите себя в руках, прекратите рыдать! Я обязательно что-нибудь придумаю, как только улажу свои проблемы. Где вас можно будет разыскать?

– Как бы вам не нажить бед, юноша, связавшись со мной, ведь этот чиновник – тиран, в его руках сила. На силу с нашей стороны он ответит ещё большей силой. Мы его кольнём иглой, а он нас пронзит мечом насквозь. Лучше уж повиноваться и делать, что он говорит. Я уж как-нибудь справлюсь, на худой конец продам дом. Пусть останусь на улице, только б жизнь сохранить.

– Нет, правда на вашей стороне! У меня в Ирргартене появились надёжные товарищи, я поговорю с ними, и мы обернём ситуацию в вашу пользу.

– Моя остановка – я выхожу. Как вас зовут?

– Эмиль...

– Приятно было познакомиться, Эмиль. Я Грига Крижанич. Десятый дом в поселке Каломния – тридцать пятый километр от Ирргартена.

– Ждите, господин Крижанич, не отчаивайтесь, долго я ждать себя не заставлю!

Двери захлопнулись, трамвай двинулся дальше. Эмиль проводил взглядом хилого старичка, тащившего тяжёлую сумку, опираясь на самодельную деревянную клюку.

Комитет по культуре располагался в административном районе Ирргартена, где вскоре высадился Эмиль. Преодолев недлинную улочку, Бланжек оказался на площади, выходящей на набережную. Отсюда открывался вид на остров, омываемый со всех сторон водами полноводной реки, протекающей через самый центр Ирргартена. На острове, за роскошной оградой, располагалось архитектурное сооружение невероятных масштабов, напоминающее дворец Долмабахче в Стамбуле. Остров не соединялся с сушей ни единым мостом и напоминал скорее укреплённый форт. Площадь также была образована величественными зданиями дворцового типа, одним из которых было здание комитета. Эмиль рассматривал архитектуру этих монументальных сооружений, но тут заметил, что в его сторону направляются двое полицейских. Своими каменными лицами и атлетическими фигурами они напоминали ожившие античные статуи.

– Что вам здесь нужно? – рявкнул первый, похожий на мраморного Гермеса. – Это административная зона!

– Паспорт, – процедил сквозь зубы его не менее суровый напарник.

– Я приехал в комитет по культуре, – начал Бланжек, протягивая полицейскому паспорт, – мне нужно получить разрешение на работу у председателя.

Полицейский достал папку и начал переписывать данные из паспорта Эмиля на карточку унифицированной формы.

– Председатель прибыл минуту назад, вам придётся ждать, пока он выйдет обратно, потому что в здание кому попало проход воспрещён, без специальной повестки вас не пропустят. За четверть часа до выхода председателя будет подан чёрный автомобиль, это послужит для вас сигналом, – офицер педантично уложил заполненную карточку к себе в папку и вернул Бланжеку документ.

Такие порядки вызвали протест в душе Эмиля, но от тщетных разглагольствований со служителями закона он решил воздержаться.

– Хорошо, я буду ждать здесь хоть до завтрашнего утра, но без подписи председателя не уйду!

Громко шмыгнув носом, полицейский втянул в себя сопли – даже лицо исказилось от напряжения; Эмилю на мгновение показалось, что он сейчас харкнет ему в лицо, но, ехидно улыбнувшись, оба офицера удалились.

Бланжек решил прогуляться по набережной, не теряя из виду главного входа в здание комитета. На площади, кроме патрулирующих полицейских, никого не было, в комитет ни-

кто не входил и не выходил из него. Только один-единственный господин в костюме, вероятно, какой-то служащий, прохаживался взад и вперёд по набережной, покуривая сигарету. Облокотившись на парапет, Бланжек смотрел, как серые волны разбиваются о гранит. Свинцовые тучи пролетали над головой, а чайки, лавировавшие на ветру, кричали, увязавшись за проплывающей мимо баржей. Джентльмен в костюме приблизился к Бланжеку, но, казалось, не обращал на него никакого внимания, продолжая втягивать и выдыхать едкий дым.

– Простите, сэръ, – обратился Эмиль к прохожему, – вы не знаете, что это за здание находится там, на острове?

Господин сделал последнюю глубокую затяжку, выбросил окурочек в рядом стоящую урну и выпустил густой столб дыма.

– Вижу, вы первый раз в нашем городе, – заговорил он, убрав руки в карманы брюк. – На острове Огер располагается правительство Ирргартена. Вы, наверное, поинтересуетесь, как он соединяется с сушей? Да, действительно, ни один мост к нему не ведёт. Видите, чуть дальше на набережной есть закрытый причал, по верху он обтянут колючей проволокой и круглосуточно охраняется часовыми. Каждое утро в определённый час причал открывается, подходит паром и отвозит губернатора и членов администрации на Огер. Для экстренных случаев у берегов острова дежурят два катера-сторожевика.

– Звучит внушительно! И смотрится тоже. А вы бывали

на острове?

– Боюсь, там не бывал даже сам Господь Бог, – ответил прохожий, поворачивая в обратном направлении, – простите, мне пора, служба ждёт.

Эмиль вновь остался в одиночестве. Жители города игнорировали этот район, стараясь попусту тут не появляться, а все служащие сидели на своих рабочих местах, поэтому здесь было так пустынно. Пришлось прождать часа два, а то и два с половиной, пока на площадь не начали выходить госслужащие, чей рабочий день подошёл к концу. Было видно, как к острову подошёл паром, перекинули трап и правящие верхи приступили к посадке на борт. Обернувшись, Эмиль тотчас рванулся к зданию комитета, так как возле выхода уже стоял чёрный автомобиль. За рулём сидел водитель, двигатель продолжал работать на холостом ходу, что говорило о скором появлении хозяина. Эмиль встал на середине пути между выходом из комитета и автомобилем и принялся старательно следить за выходящими из здания, дабы не упустить председателя. «Ну, ещё пара минут – и всё будет улажено, – думал Эмиль, – председатель, должно быть, человек благоразумный, он сразу войдёт в моё положение и подпишет рекомендацию. Да ещё и нагоняй даст тому Финкельштейну за то, что так небрежно со мной обошёлся». Служащие всё выходили друг за другом: одни шагали чинно, задрав нос, напоминая петухов в курятнике, другие разбегались, как мыши. За время ожидания Бланжек успел успокоиться, тре-

вога сама собой куда-то улетучилась, он уже думал о том, как завтра – в свой первый рабочий день – отправится в училище, познакомится со студентами и приступит к дирижёрской практике. «Сыграем “Весну священную” Стравинского и “Симфонические танцы” Рахманинова – это для выпускников, а с младшими курсами поиграем камерные сочинения Моцарта». Пока у Эмиля вырисовывался план дальнейших действий, на площади появился солидного вида джентльмен, сопровождаемый по обе руки двумя амбалами-охранниками. Осмотревшись по сторонам, они направились к припаркованному чёрному автомобилю. «Вот и господин председатель», – сообразил Бланжек и пошёл ему навстречу.

– Господин председатель, добрый вечер, я к вам по делу от господина Финкельштейна!

Председатель продолжал шествовать к машине, не замечая Бланжека; охранники закрывали его своими шкафообразными телами, так что он мог чувствовать себя находящимся между двумя непробиваемыми стенами. Эмиль повторил фразу, с которой обратился к председателю, но ответа вновь не последовало, лишь взгляд его стал ещё безучастнее, нос задрался ещё выше, а телохранители, сомкнувшись, совсем скрыли его от глаз Бланжека.

– Мне нужна только ваша подпись, остановитесь! – умолял обескураженный Бланжек, увязавшись за председателем, как цыганёнок, прыгающий вокруг прохожего, прося милостыню.

– Пойдите, ведь решается судьба человека! – вскричал Бланжек, схватив одного из охранников за куртку.

В качестве ответа Эмиль получил мощный удар в солнечное сплетение, от которого отлетел на несколько шагов назад и повалился наземь. От удара о мостовую чемоданчик Бланжека раскрылся: всё содержимое разлетелось по площади, ноты и рекомендательное письмо подхватило сильным порывом ветра и понесло по направлению к набережной. Страшная боль пронзила Эмиля насквозь; скрючившись калачиком, он не мог сделать ни малейшего вдоха. Чуть приподнявшись от земли, Бланжек хотел было окрикнуть председателя, но от увиденного у него пропал дар речи: один из охранников открыл заднюю дверь подошедшему к машине председателю, а на заднем сиденье лежала знакомая Эмилю сумка с продуктами – та самая кошёлка Григи Крижанича.

О своей боли и разлетевшихся документах Эмиль тут же позабыл. От страшной ярости внутри всё закипело.

– Преступная скотина! – закричал Бланжек, поднявшись с мостовой, и швырнул первый попавшийся камень вдогонку отъезжающему автомобилю. Шофер газанул, и через миг чёрный автомобиль скрылся за поворотом.

Происходящее привлекло внимание полицейских, и оба они, налившись кровью, оскалив зубы, уже спешили по направлению к Бланжеку, держа в руках внушительные дубинки. Попадаться в лапы этим головорезам Эмилю совсем не хотелось, и, оставив на мостовой все свои вещи, он бросил-

ся бежать. Пробежав метров двести, Эмиль обернулся и увидел, что те двое с дубинками продолжают преследование, причём дистанция между ними, к несчастью, сокращается. Эмиль свернул на узкую улочку и что было сил прибавил ходу, но через пару мгновений за спиной уже слышался тяжёлый топот полицейских. В следующий момент произошёл инцидент, по своей нелепости превосходящий любой другой возможный исход приключившегося происшествия: из пышного казино, располагавшегося на этой узкой улице, вывалилась разгорячённая толпа самодовольных дам и господ в вечерних платьях и парадных костюмах. Одни с покрасневшими лицами что-то кричали, подняв бокалы с шампанским над головами, другие хлебали горячительное прямо из бутылок с такой страстью, с какой путник в пустыне утоляет жажду после длительного скитания. Вероятно, кто-то из этой шайки сорвал большой куш, и теперь его чествуют, предвкушая начало долгого и пьяного вечера. Ни арок, ни дворов, ни перекрёстков на пути Эмиля не было, и ему ничего не оставалось, кроме как пробиваться сквозь толпу. Врезавшись в людскую массу, Бланжек сильно толкнул одного господина, чем навлёк на себя звериную ярость, ибо шампанское было пролито на голову стоящей рядом дамы. Эмиля выпихнули из толпы, но о попытке прорваться другим путём ему уже не пришлось думать, так как в следующий миг он уже валялся на тротуаре, сбитый сокрушительным ударом полицейской дубинки. Ещё несколько ударов ногами на-

несли блюстителю порядка валявшемуся на земле Бланжеку. «Поддайте ему, поддайте! – слышалось из толпы. – Проучите негодяя!» Эмиля продолжали колошматить озверевшие полицейские. «Давайте же выпьем за то, чтобы наши обидчики всегда получали по заслугам!» – торжественно произнёс один пузатый господин в смокинге, изящно держа полный бокал игристого шампанского. В ответ прозвучал радостный хохот, вслед за которым последовал праздничный звон бокалов, которого Эмиль, к сожалению или к счастью, уже не услышал, ибо его, бездыханного, уносили под руки запыхавшиеся полицейские.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.